

Глава 8

Море! Море!

На заре моего увлечения Грецией Эд Стрингем назвал мне имена трех писателей: Лоренса Даррелла, Генри Миллера и Патрика Ли Фермора. Один за другим я проглотила три поэтических сборника Даррелла: «Келья Просперо» о Корфу, «Размышления о Венере Морской» о Родосе и «Горькие лимоны» о Кипре. Тогда же я познакомила Эда с Джеральдом Дарреллом, младшим братом Лоренса, который написал очаровательные мемуары «Моя семья и другие животные», посвященные детским годам будущего натуралиста, проведенным на Корфу. (Дороти Грегори называла знаменитых бытописателей Корфу просто Ларри и Джерри.) «Колосс Маруссийский» Генри Миллера был написан после поездки в Грецию в 1939 году, куда писателя пригласил Лоренс Даррелл. Книга стала настоящим шедевром, запечатлевшим жизнь в Греции накануне Второй мировой войны. Однако моим идеальным компаньоном был Патрик Ли Фермор, британский

писатель и герой войны. Ли Фермор — что-то среднее между Павсанием и Брюсом Чатвином¹ — был любопытным до всего на свете, харизматичным, энциклопедически образованным и просто неутомимым. В его лице, как мне показалось, я обрела друга.

Первый предмет гордости Ли Фермора — время его солдатской службы на Крите в составе британской армии во время Второй мировой войны. Вместе с группой критских партизан он похитил генерала Крайпе, немца, командовавшего нацистскими силами на острове. Этот подвиг лег в основу фильма 1957 года «Ночная засада». (Картина была снята по книге 1950 года, ее автор — Уильям Стенли Мосс, один из членов группы захвата. Дирк Богард сыграл роль Ли Фермора, который тогда не думал ни о книге, ни о фильме.) Проза Ли Фермора очень плотная, она пропитана личными воспоминаниями, в текстах чувствуется широта знаний человека с хорошим образованием, а также непринужденность личной переписки. Его легко представить ползущим по траве, делающим в блокноте быстрые заметки, которые набухнут до размера главы, а затем расцветут книгой с подзаголовками, которые так и манят в книгах о путешествиях: «Молотилка-веялка», «Винно-красные слова», «Приднестровские кошки». На первых страницах книги «Мани: путешествия по Южному Пелопоннесу»

¹ Брюс Чатвин (1940–1989) — английский журналист и писатель, один из самых известных авторов англоязычных травелогов послевоенного периода.

под заголовком «Последствия в Леванте» он перечисляет 91 «странную общину» всемирной греческой диаспоры: «славянофоны¹ Северной Македонии, владеющие фаллосами² боунариоты из Тирнавоса, венецианские дворяне Ионических островов, отшельники горы Афон, хлопковые маклеры Александрии, греки из дельты Дуная, византийцы Мистры́, безумцы Кефалонии...» В зарисовках под заголовком «Мозаичная фауна» он описывает греко-римский мозаичный пол в Спарте — Орфея, Ахилла, Европу, единственное уцелевшее доказательство классического наследия в современном городе, чьи предки-воители, как вы наверняка помните, выиграли Пелопоннесскую войну, но, очевидно, проиграли гонку за долговечность памятников.

Ли Фермор — культовая фигура среди поклонников греческой культуры, особенно среди англичан. У него были связи с влиятельными людьми в Греции. В сороковые годы в Каире он познакомился со своей будущей женой Джоан (она была фотографом), с ней поселился в Кардамили, отдаленном городке на западном побережье Мани. Там Ли Фермор написал свою самую известную книгу «Время даров» (1977), рассказывающую о том, как в начале тридцатых он пешком путешествовал из нидерландского порта в Константинополь. Продолжение этого путешествия было описано в книгах «Между лесом

¹ То есть говорящие на славянских языках.

² Греческий город Тирнавос известен своим карнавалом, в котором широко задействованы фаллические символы.

и водой» (1986) и «Извилистая дорога» (2013), последняя оборвалась на полуслове и была опубликована посмертно. Ли Фермор смотрел на приключения, пережитые им в молодости, как будто бы перевернув телескоп другой стороной: он видел их в отдалении, но рассматривал при этом очень подробно, как изящную миниатюру.

Есть в произведениях Патрика Ли Фермора что-то заразительное. Они заставляют людей идти по его стопам. Один начинающий писатель по имени Ник Хант прошел четыре тысячи километров по Европе, повторив маршрут Ли Фермора и описав его в книге «Прогулка по лесу и воде» (2014). А совсем недавно голландский художник по имени Жак Грегуар во время подобного пешеходного тура создал серию акварелей для проекта под названием «От Северного моря до Черного». В 2000-м я тоже повторила часть маршрута Ли Фермора, пусть и на машине: я проехала вдоль побережья вокруг полуострова Мани, от Каламаты до мыса Тэнаро, входа в царство Аида, и обратно. Моей навязчивой идеей стал дом, который писатель построил с Джоан в Кардамили, легендарном городке вниз по западному побережью Мани. Мне очень хотелось туда попасть, особенно после того, как я узнала, что Ли Фермор завещал этот дом Музею Бенаки. Его собирались превратить в центр международных литературных мероприятий и писательскую резиденцию.

Из статьи в литературном приложении «Таймс» я узнала, что за 10 евро (плюс деньги на дорогу туда) можно заказать экскурсию по дому в Кардамили. Оказавшись

в следующий раз в Греции (в марте 2017 года) и исполняя свою давнюю мечту побыть на Эгейском море подольше, чем тридцать лет назад, я написала в Бенаки очень вежливое письмо (его несколько раз проверила моя тогдашняя учительница греческого по имени Хрисанти). Я просила разрешения посетить дом в Кардамили. Ответ было трудно читать: во-первых, он был написан с использованием бюрократических оборотов, а во-вторых, мне не понравилось то, что мне ответили. По-видимому, музей ждал разрешения на проведение реставрационных работ, оплаченных культурным центром имени Ставроса Ниархоса¹. Как только разрешение получают, музей закроют для посещения. Я могла упустить свой шанс... Но ведь это Греция, всегда есть вероятность, что с разрешением возникнет заминка. Я решила довериться греческим богам, добавить Кардамили в свой маршрут и надеяться на лучшее.



Кардамили упоминается Гомером в «Илиаде»: Агамемнон обещает это селение Ахиллу, если тот вернется на поле боя и продолжит сражаться против троянцев (вы, должно быть, помните, что Ахилл проводит бóльшую часть «Илиады», дуясь у себя в шатре, и возвращается на поле битвы, только чтобы отомстить за гибель своего

¹ Ставрос Ниархос (1909–1996) — греческий магнат, судовладелец. После его смерти был основан фонд, средства из которого идут на развитие искусства, культуры, спорта и образования.

друга Патрокла. Тот переоделся в доспехи Ахилла, чтобы внушить страх троянцам, и был убит Гектором). Город отличается исключительным местоположением: с востока он защищен от непогоды Тайгэтом, гигантским горным хребтом на полуострове Пелопоннес, чьи отлогие склоны тянутся до самого кончика Мани; на западе он смотрит поверх Мессинского залива на самый западный полуостров Южного Пелопоннеса. Благодаря ветрам с запада в Кардамили даже зимой сохраняется умеренная температура. И хотя Ахилл отказался от всех даров Агамемнона, он все же вернулся на поле битвы. Говорят, после смерти героя его сын Неоптолем пришел получить обещанное.

Ли Фермор никогда не волновался, что Кардамили станет популярным туристическим направлением, потому что городок находится очень далеко. Вероятно, Неоптолем в свое время приплыл в это место на лодке. За последние годы сюда стало проще добираться по суше: появилось современное шоссе из Коринфа до Каламаты, расположенное на юге полуострова. Но чтобы добраться из Каламаты в Кардамили, требуется смелый водитель, который справится с извилистой дорогой. Если посмотреть на карту, своими изгибами она напоминает петли тонкого кишечника. Но именно в толстой кишке эти повороты ощущаются во всей полноте: горная дорога бежит вдоль глубокой пропасти и море находится то где-то вдалье справа от вас, то вдруг оказывается слева. Это напомнило мне об автобусной поездке, которую я совершила на острове Итака (в середине он изгибается как лента

Мёбиуса). Спустя примерно полчаса езды вниз, на уровне моря, можно различить Кардамили. В конце дороги надо резко свернуть направо и выехать на городской пляж, где расположены отели и рестораны, или остаться слева и проехать через центр: два стоящих рядом конкурирующих продуктовых магазина; внизу, у воды, рыболовный причал, рестораны с террасами, с которых открывается вид на море, несколько кафе вдоль главной улицы, газетный киоск, один-два магазина, торгующих оливковым маслом, и хозяйственный с выцветшей вывеской, которая рекламирует краски ярких оттенков — *chrómata*. К югу от города находится «Каламитси» — роскошный отель, построенный из местного камня, с арочными окнами и красной черепичной крышей. Однажды Ли Фермор написал, что для писателя нет лучшего места, чем номер в гостинице в Кардамили. Именно поэтому в ожидании посещения его дома я остановилась в номере с балконом и прекрасным видом на море, аккуратную оливковую рощицу и цитрусовые деревья.

Я слышала шум моря и курлыканье голубей — навязчивую мелодию из трех нот, которая свела бы меня с ума, если бы я не решила «перевести» ее на английский, подобрав созвучную фразу из трех слогов. Это было похоже на «Рож-день-е!» или «Ме-тел-ка!». Одну мелодичную песенку мне удалось связать с черной птичкой с оранжевым клювом, сидевшей на лимонном дереве. Блеяли овцы, и было слышно, как звенят колокольчики на шее у коз. А однажды я услышала, как кто-то играл кантри.

В те дни в Кардамили проходил международный джазовый фестиваль, и в отеле было полным-полно немецких, норвежских и американских музыкантов.

В отеле была крутая каменная лестница, ведущая к частному пляжу. Я тут же побежала вниз. Гревшаяся на солнышке парочка меня проигнорировала. Седовласый старик, зажмурив один глаз, готовился прыгнуть в воду прямо с лестницы. Завидев его, я автоматически попятилась назад. «Вам необязательно уходить, можете остаться», — сказал он по-английски, но с акцентом. Я объяснила, что у меня нет купальника, и это была правда. А еще правдой было то, что я люблю, когда пляж принадлежит мне одной.

Вернувшись в свой номер, я поймала себя на мысли, что уходить из него никуда не хочется. Но в то же время я не могла не смотреть в сторону пляжа: солнце окрасило серо-голубой полуостров вдали нежно-розовым цветом, море было подобно отрезу голубого, как лед, атласа, ему вторило небо. И только оттенок воздуха, не имеющего поверхности и существующего как чистое расстояние, пронизанное светом, едва поддавался описанию. Недалеко от моего номера была оливковая роща. Казалось, стволы деревьев извиваются в каком-то соблазнительном танце. Мессинский залив, подходя вплотную к пологому холму, поросшему соснами, платанами и остроконечными кипарисами, образовывал бухту. Тут вода обладала каким-то особенно гипнотическим оттенком насыщенного серо-зелено-голубого цвета — видимо, отражая

нефритовую зелень деревьев. Над бухтой возвышалась гора Тайгет, ловившая свет заходящего солнца: серая скалистая гора с множеством отвесных утесов была покрыта заплатами ярко-зеленого цвета. Как человек, знающий, насколько он богат, и ценящий свой дом и доход, смотрит на дом и имущество других людей без капли зависти, так и я смотрела на море со своего каменного карниза. Я любовалась глубиной цвета на поверхности — разве не в этом кроется извечная, абсолютная красота? Мне не хватало только седьмого органа чувств, чтобы ощутить ее в полной мере. Когда вы путешествуете, у вас развивается обостренное восприятие, и мои ощущения в тот момент можно описать как историко-истерическое постижение красоты.

Наконец мне удалось оторваться от этого вида, и я выскочила на улицу, чтобы посмотреть, что там за газетный киоск. На нем была вывеска ручной работы: «Εφημερίδες, βιβλία!» («Газеты, книги!») (По-гречески слово «газета» созвучно нашему слову «эфемера¹»: то, что длится только день.) В киоске также предлагались карты с походными маршрутами и разные «штучки ручной работы». Хозяин за прилавком, седоватый и очень импозантный, едва сдержавшийся при виде немцев, которые пришли раньше меня, был, несмотря ни на что, готов продать им свои рукотворные товары. Вошел старый маниот, постоянный

¹ Какая-либо запись в бумажном или печатном виде, которая не предназначена для длительного хранения и использования. Сюда можно отнести, например, открытки, рекламные буклеты, каталоги, неактуальные скидочные купоны и билеты.

клиент, и владелец автоматически потянулся под прилавок и вытащил оттуда его любимую газету. Открывая кошелек, пожилой мужчина указал на заголовок и тяжело вздохнул: в стране объявили об очередной попытке урезать пенсию — жителям придется потуже затянуть пояса, чтобы страна могла выплатить свой долг и остаться в Еврозоне. Горьким было для греков такое наказание — оказаться стесненными в столь почтенном возрасте.

В магазине стояла витрина с ручками и карандашами в форме заостренной торпеды известного немецкого производителя «Штедлер». Я хотела сфотографировать их, но только с разрешения. Рассмотрев как следует карандаши, я постаралась вспомнить, как по-гречески сказать «сделать фото». В конце концов я подошла к стойке и спросила владельца буквально следующее: «Пожалуйста, могу я сфотографировать ваше большое хозяйство?» Мой вопрос прозвучал непристойно, но он, казалось, решил не делать из мухи слона. Он кивнул в знак согласия: *va*, прищурил глаза и сложил ладони, указывая на большой карандаш. «Я не хочу показывать всё», — объяснил он.

Я не могла выбрать человека, менее расположенного к общению, чем тот маниот. Я спросила, какая газета пользовалась особым спросом среди пожилых клиентов, но он отказался отвечать. «Читаю много газет, — сказал он. — Но своим мнением делюсь только со своей семьей». Как оказалось, это типичный ответ маниота. Если вы попросите кого-нибудь в Кардамили порекомендовать вам ресторан, он никогда не скажет прямо. Сначала он сделает

оговорку, что кому-то он может понравиться, а кому-то нет, а потом и вовсе вернет вам вопрос, спросив, какие рестораны любите *вы*.

В магазине были книги Патрика Ли Фермора — мне нравилось, как его имя пишется по-гречески: Πάτρικ Λη Φέρμορ, но я даже не думала читать его в переводе. К тому же у меня уже были все его книги, кроме одной — «Время хранить молчание» о жизни в монастыре, но в магазине ее не продавали. Я нашла новые тома переписки (Ли Фермор писал невероятное количество писем), но мне было бы тяжело везти все это в Штаты. А еще в магазине была биография «Патрик Ли Фермор: приключение», написанная Артемис Купер. Но вдруг мой взгляд привлекла тоненькая книжечка какого-то небольшого издательства под названием «Время пить!» Долорес Пайас. Она переводила Фермора на испанский и была частым гостем в доме писателя в последние годы его жизни. Эту книжечку я и купила.

Когда я уже уходила, владелец спросил, откуда я и кто по профессии. Я ответила, что я журналист из Нью-Йорка. Он выбрал для меня книжную закладку с изображением Платона и сказал: «Надеюсь, вы напишете много книг». Это было так пронзительно, как будто он благословил меня на мои литературные подвиги в Греции.



Я проводила больше времени на своем балконе, глядя на море, а не уходя в горы и не катаясь по окрестностям



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

